

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА КАК МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА

Текст, как любой материальный объект, расположен в пространстве, образует пространство и может быть проанализирован в терминах пространственной схемы «вместилище». Пространство текста как минимум двуслойно: внешний, визуально наблюдаемый слой представляет собой линейную последовательность зафиксированных автором «местоположений» вербальных знаков; внутренний слой недоступен непосредственному наблюдению носителя языка, содержит имплицитную информацию нелинейного характера. В процессе восприятия текста реципиентом вербальные единицы, конституирующие текстовое пространство, вступают между собой в отношения взаимосочетаемости, соотносимости и взаимообусловленности, что способствует пониманию текста.

Пространство как воспринимаемая реальность может быть описана и представлена посредством различных средств выражения мироощущения – скульптурой, художественными полотнами в живописи, динамикой танцевального искусства, музыкальным произведением, а также текстом. Вербальный текст рассматривается как 1) пространственный объект; 2) как особым образом «собранное» пространство; 3) как один из способов репрезентации и описания пространства и пространственных отношений между «вещами», конституирующими это пространство. Текст есть продукт/результат авторской речемыслительной деятельности, который заново «рождается» в процессе восприятия его реципиентами: «Текст не существует вне его создания или восприятия» [Леонтьев 1969:15]. В то же время как объект реальной действительности текст в статическом состоянии существует независимо от нашего сознания и вне процесса восприятия. В этом случае текст выступает как одно из физических тел, расположенных в пространстве, которое занимает некоторую часть этого пространства, как материальный объект – носитель некоего содержания, данный нам в зрительном восприятии как последовательность внешних форм языковых знаков. Исследователи пространства предполагают, что материальные объекты при своем возникновении и во время существования, образуют не только собственное время, но и собственное пространство: так, ссылаясь на теорию относительности, А.А. Егоров, говорит о «возможности порождения каждым материальным объектом своего пространства-времени» [Егоров 1975:59]. Таким образом, текст, являясь материальным объектом, также способен «порождать» свое пространство – текстовое, которое, будучи многослойным, требует тщательного исследования всех составляющих его компонентов, проявляющихся как на внешнем, так и на внутреннем уровнях.

Внешнее пространство текста – это та составляющая сложного понятия пространственности объекта, которая находится «на поверхности» и в

первую очередь входит в зону перцепции индивида. Закономерности внешней организации текста на уровне его линейной структуры, видимо, более изучены, хотя представляется интересным проанализировать организацию текста в рамках пространственных терминов и схем. Говоря о пространственности текста как материального объекта, мы в первую очередь имеем в виду линейное пространство письменного (печатного) текста, которое занимает в реальном пространстве некоторый участок (сегмент). Визуальность является важной характеристикой письменного текста, так как устный текст лишен такой же пространственности, как письменный, хотя между ними и есть момент общности: «Очевидно, что как слуховое, так и зрительное восприятие «работают» и в пространстве, и во времени, но для зрительных знаков важнее пространственное измерение, а для слуховых – временное» [Якобсон 1972:84]. Письменный текст дает возможность «преодолеть» и время, и расстояние (некоторое пространство): получатель имеет дело с графическим изображением информации, к которому он может вернуться в любое время, если понадобится то или иное уточнение, что позволяет беспрепятственно передвигаться по пространству текста независимо от времени его восприятия. Читатель/реципиент может неоднократно возвращаться к уже прочитанному участку текстового пространства, прерывать чтение и возобновлять его, делать пометки на полях, составлять конспекты и т. п. Именно на основе письменных вербальных текстов как реально наблюдаемых, находящихся в зоне «непосредственного видения» – «здесь и сейчас» исследователя, «удобнее» исследовать различные характеристики и особенности организации текстового пространства, анализировать употребление лексики текста, определяя наличие синонимов, антонимов, фиксируя различного типа повторы, параллельные синтаксические конструкции и прочие лингвистические феномены.

Пространство текста, выступая как частный случай реального (физического) пространства, об-

ладает и его основными характеристиками – размером, объемом, линейной протяженностью, относительной прерывностью, глубиной и может быть «измерено» в терминах большой/маленький, длинный/короткий и др. Пространство текста как материального образования может анализироваться в пространственных терминах «верх/низ», «вперед/сзади», «слева/справа» и т. п. Именно линейному визуальному текстовому пространству присущи параметральные характеристики: с помощью математических операций можно установить количество разнопорядковых элементов, которые «компонуют» линейное пространство текста, – букв, слов, предложений, абзацев, страниц. Читатель получает текст в «готовом» виде как набор определенным образом структурированных линейно расположенных знаков. Эти знаки осязаемы или зрительно (при обычном способе прочтения с помощью органов зрения), или тактильно (если текст набран специальными знаками). Визуально наблюдаемое (физическое) пространство текста можно анализировать в терминах «верх – низ» и «целое – часть», в зависимости от того, какие текстовые отношения необходимо исследовать. В рамках первой оппозиции различаются единицы исследования – целый текст и его базовый компонент – высказывание (предложение): в первом случае говорят об исследовании текста «сверху», т. е. от целого текста к отдельному высказыванию (предложению), во втором – «снизу», от предложения к тексту. В рамках схемы «целое – часть» анализируется структура всего текстового пространства как результат «взаимоотношений» мини-пространств отдельных фрагментов текста, его конституирующих.

Вербальный линейно расположенный текст материален, он выступает как внешнее, визуально наблюдаемое отображение внутреннего замысла автора, не имеющего линейной структуры, и представляет собой потенциальное коммуникативное пространство. В процессе текстовой коммуникации, начиная с момента непосредственного «общения сознаний» реципиента и автора в коммуникативном пространстве текста, статичное (линейное) состояние его нарушается и переходит в динамичное (нелинейное): «Оказалось, что движение глаз при чтении представляет собой не линейное перемещение от одного слова к другому и от одной фразы к другой, а серию остановок на наиболее информативных местах. ... Движение взора имеет сложный маршрут с множественными возвращениями назад, сопоставлениями далеко отстоящих разделов текста» [Лурия 1979:238]. В то же время процесс «перемещения» читателя как реального

перехода со страницы на страницу, так и мысленного возвращения к прочитанному нельзя назвать хаотичным, так как подобное регулярное перемещение в пространстве текста является следствием «работы сознания» реципиента, анализа уже изученного участка текстового пространства, «приписывание» ему некоторых новых характеристик на основе новой информации. Таким образом, в процессе смыслового восприятия пространство текста предстает перед индивидом как «набор» коммуникативных пространств, каждое из которых актуализируется в определенный момент коммуникативного времени, причем количество актуализаций не ограничено и зависит от индивидуальных особенностей реципиента (психофизических, лингвокультурных и пр.). Этот процесс можно соотнести с «уровнями монтажа» у А.А. Брудного, когда печатный текст мысленно «разрезается» на отдельные части, которые затем «склеиваются» в разном порядке, с последующим повторным разделением на другие части.

Таким образом, именно визуальное пространство текста позволяет нам делать вывод о пространственности текста. Зрительно видимый текст является исходной точкой, «базой» для «формирования» всех иных «невидимых» пространств текста, которые представляют наибольший интерес для исследователей. Семантику текста составляет структура его содержания как целостное и системное образование, возникающее в интеллекте человека, в его отношении к линейной фактуре текста. Исследования текстовой деятельности показывают, что само содержание сообщения формируется в процессе смыслового восприятия и понимания при участии сознания индивида, то есть содержание не существует вне процесса понимания, оно не передается непосредственно при зрительном восприятии, а «возбуждается» в мозгу человека, воспринимающего текст: «Содержание текста – семантический компонент, который возникает в мышлении автора в соответствии с замыслом, целями и условиями коммуникации. В мышлении он представляет собой единое целостное образование, поскольку базируется на системе отношений, сформированных в интеллекте человека в его прошлом опыте» [Новиков 1982:13]. Поскольку всякий процесс можно представить себе как переход от одного дискретного элемента к другому, то восприятие (как и порождение) как процесс, проходящий в пространстве, имеет промежуточные статические состояния, фиксирующие количество (и качество) информации, полученной индивидом в каждом из актуализированных коммуникативных пространств текста.

Полагаем, что это сопоставимо с понятием «кадр», которое применяется для описания реального пространства в исследованиях Н.Д. Арутюновой, И.М. Кобозевой и др.; в «кадре» фиксируется действительность «какая она есть» в данный момент для данного конкретного человека. Применительно к тексту каждое дискретное состояние постепенно увеличивающегося в объеме актуализированного коммуникативного пространства текста не является простой суммой полученных данных, а рассматривается как результат их сопоставления, анализа и «переработки». Конечно, в этом случае об «объеме» текстового пространства можно говорить условно, так как реально измерить его не представляется возможным.

В картине мира человека пространство неразрывно связано со временем. Можно говорить о некотором множестве пространств разных типов, которые являются результатом многосторонней деятельности человека, когда в каждый конкретный период времени он находится в центре пересечения нескольких видов пространств: научного, социально-бытового, географического, биологического, культурного и пр., причем как в реальной жизни, так и в условиях текстовой действительности.

Пространство художественного текста создается автором согласно первоначальному замыслу и может трансформироваться в процессе его «порождения» в соответствии с «полетом» творческой мысли автора в такое пространство, в котором возможно все, что нереально сделать в мире действительном: преодолеть пространственные и временные границы, превратить прошлое «тогда и там» в настоящее «здесь и сейчас», а их, в свою очередь, представить как событие, уже имевшее место «когда-то и где-то». Автор может намеренно «стягивать/сжимать» (уменьшать в размерах) и «растягивать» (увеличивать) «пространство-время» текста для достижения определенного эффекта восприятия событий, отображенных в тексте. Иногда герои текстов существуют вне пределов (за «границей») реального хронологического ряда и пространственных отношений, в результате чего в пространстве действует «местная» хронология, исторические и географические рамки, а также и неповторимый (авторский) лексикон.

Настоящая «жизнь» текста начинается с момента восприятия его реципиентом. Современные исследователи процесса восприятия подчеркивают его активный характер как деятельности: «...восприятие – это не пассивное снятие копий, слепков с действительности, а активный процесс построения психических моделей действительности...»

[Психологический словарь 1983:21]. Текст представляет собой модель действительности, в пространстве которой в вербальной форме репрезентируются вещные компоненты, структурирующие пространство реального мира. Механизм восприятия пространства текста принципиально схож с механизмом восприятия пространства реального мира, с тем отличием, что пространство текста конституировано не вещами, а «вещными» репрезентантами – лексическими единицами, которые и предстают перед реципиентом в процессе смыслового восприятия текста. В силу того, что восприятие предполагает целостность воспринимаемого объекта, реципиент «вынужден» самостоятельно «достраивать», «додумывать» образ, используя ассоциативные связи, возникающие в процессе смыслового восприятия сообщения, что подтверждает активный характер самого процесса восприятия. Успешность реконструкции пространства реального мира, отображенного в пространстве воспринимаемого текста, а также отношений между его конституентами зависит от знания индивидом значений вербальных «оболочек» концептов, от наличия в его концептосфере самих концептов, вербализованных в тексте, т. е. от пресуппозиции.

А.А. Леонтьев выделяет некоторые факторы, оказывающие влияние на процесс /результат восприятия текста: 1) стратегия восприятия класса высказываний и тактика восприятия отдельного высказывания сильно варьируются в зависимости от лингвистических, психолингвистических характеристик этого высказывания и класса высказываний; 2) механизм восприятия может носить индивидуальный характер, т. е. в большей степени зависеть от индивидуального опыта реципиентов; 3) при различных стратегиях конкретная тактика восприятия не совпадает; 4) восприятие отдельного высказывания в большей мере зависит от восприятия целостного текста; «при восприятии отдельного высказывания семантические в широком смысле операции (включая семантику грамматических классов) преобладают над формально-грамматическими <...> «анализ через синтез» хотя и участвует в процессе смыслового восприятия высказывания, но не является в них определяющим звеном» [Леонтьев 1999:134].

Полагаем, что текст представляет собой иерархию не только программ, но и пространств. Каждый элемент текста имеет свое микропространство, которое постепенно «встраивается», интегрируется в пространство целого текста: слово «имеет место» (как вещь у Хайдеггера) в пространстве предложения (высказывания), предложение «имеет ме-

сто» в составе некоторого «соединения», группы объединенных смысловой близостью высказываний, соотносимой со сверхфразовым единством, которая, в свою очередь, «местоположена» в пространстве текста. Сам текст «имеет место» в пространстве среди других материальных тел, являясь элементом культурного пространства, которое, в свою очередь, «встраивается» в некое социальное пространство и т. д. Видимо, можно говорить об иерархии микропространств, основанной на степени их значимости в процессе структуризации пространства текста: некоторые участки пространства текста проявляют себя как главные (базовые), без них пространство как целое просто «не соберется»; без других можно «построить» минимальное пространство текста, которое будет находиться с пространством оригинала в отношениях «часть – целое» или в отношениях тождества на основании выявленного реципиентами «каркаса текста», который представляет собой группу высказываний, «конституирующих» минимальное текстовое пространство. Возможность рассмотрения компонентов текстового пространства в терминах оппозиции «существенный/вспомогательный» подтверждается результатом экспериментального исследования по «сборке» текстового пространства из компонентов разного уровня – отдельных высказываний и групп высказываний (фрагментов), в ходе которого реципиенты оценили ряд высказываний и фрагментов как «дополнительные», «не основные», «необязательные для упоминания», «вспомогательные» элементы для целого текстового пространства, а иногда и как «чужие» для него. Полагая, что по степени важности отдельные участки коммуникационного пространства текста могут классифицироваться как «суб-пространство» и «со-пространство», которые находятся с «соседними» участками в отношениях «равного со-существования» или подчинения, когда один участок пространства детерминирует «соседнее» (близкое) «местоположение» другого. Типология отношений текстовых микропространств может быть представлена следующим образом: 1) подчинение; 2) «равноправное» со-существование, характер которых различен. Отношения подчинения жестко заданы, последующий фрагмент или высказывание не может расположиться впереди предыдущего, в то время как отношения второго типа позволяют текстовым элементам менять свое «местоположение» без ущерба для формирования целого пространства. Первый тип пространственных отношений соответствует пространственным схемам Дж. Лакоффа «верх-низ» или «впереди-сзади», «слева-спра-

ва», причем варианты невозможны. Пространственная схема «впереди-сзади» структурируется под влиянием четвертого пространственного измерения – времени, которое «не позволяет» отдельным участкам текстового пространства, жестко «привязанным» к тому или иному временному периоду, свободно перемещаться и менять свои «места» в пространстве текста; в то же время схема «лево-право» подобного временного ограничения не имеет.

Т.М. Николаева отмечает, что в плане порождения текст разворачивается одновременно горизонтально и вертикально: «Для описания текстовой сущности мы можем говорить о существовании двух моделей порождения: вертикальной, иерархической, и горизонтальной, цепочечной» [Николаева 1978:35]. Для описания текста предлагаются четыре типа моделей: «1) модель вертикального порождения грамматической ориентации; 2) модель вертикального порождения событийной ориентации; 3) модель горизонтального порождения грамматической ориентации; 4) модель горизонтального порождения событийной ориентации» [Николаева 1978:39]. Реальность этих моделей была подтверждена А.С. Штерн в ходе проведения экспериментального исследования восприятия устного текста, в результате которого была отмечена наиболее сильная выраженность моделей 2 и 3 [Мурзин, Штерн 1991:151], в которых параметр цельности коррелирует с «событийной ориентацией», с глубиной восприятия (модель 2), а связность – с «грамматической», с иерархией лингвистических уровней, на каждом из которых существует свое линейное разворачивание (модель 3). В терминах пространственных схем это соответствует движению по вертикали в пространстве по оси «верх-низ» и по горизонтали по оси «вперед-назад».

С самого начала исследований литературного текста возникла проблема определения базовых принципов его анализа – от целого к части или от составляющих его частей к целому: «При создании теории синтаксиса возникает вопрос, следует ли двигаться по восходящей, от предложения к тексту, или, напротив, по нисходящей – от текста к предложению» [В. Дресслер 1978:119]. В современной семиотике эта проблема обусловила существование двух лингвистик – фразовой и дискурсивной. В первой «базовой единицей высказывания является фраза, а дискурс рассматривается как «результат ... связывания... фраз»; вторая, «напротив, принимает за исходную единицу дискурс, рассматриваемый как значимое целое: в таком случае фра-

зы будут только сегментами (или фрагментами) дискурса – высказывания» [Семиотика 1983: 489]. В ряде работ [см. труды Weinrich, Hartmann, Halliday, Dressler] именно текст рассматривается в качестве высшей единицы синтаксического уровня, а не отдельное предложение – высказывание, которое рассматривается как частный случай, особая разновидность текста.

Пространство текста (визуальное) структурировано составляющими его отдельными высказываниями (предложениями), порядок которых определяется волей автора в соответствии с развитием сюжетной линии. Восприятие целого текста зависит от «опознавания» его составляющих (высказываний), многие из которых, в свою очередь, получают свое значение в контексте целого текста, т. е. целое зависит от частей (сегментов), равно как отдельные части (высказывания) зависят от целого (текста) в том смысле, что «вписываются» они в формирующееся пространство текста или нет. В то же время смысл, важность и ценность информации, которую несут отдельные предложения как конstituенты текстового пространства, может меняться по мере восприятия каждого последующего предложения или их сочетаний, расширяющих информационное пространство текста. Так проявляется зависимость восприятия отдельных сегментов от целого: уменьшается важность одних участков пространства текста и возрастает информационная значимость других. Таким образом, восприятие характеризуется сложным взаимодействием частей (высказываний) и целого (текста), это процесс, в котором «обе стратегии восприятия – от части к целому и от целого к части – действуют одновременно» [Мурзин, Штерн 1991:154].

Текст как пространственное тело возможно рассматривать и анализировать в терминах схемы «вместилище»: он содержит/ «вмещает» определенного объема информацию, состоит из некото-

рого количества пространственных элементов разного размера – языковых знаков, предложений и фрагментов, которые, подобно вещам, конституируют текстовое пространство. Как и многие исследователи, мы различаем внутреннее и внешнее пространство текста: внутренний слой (глубинный уровень), содержащий имплицитную информацию о смысле текста, и внешний слой (поверхностный уровень), представляющий собой эксплицитно выраженную языковыми знаками информацию об элементах текстового пространства и их взаимосвязи. Текстовое пространство ограничивается от пространства реальности границами (*рамки* в терминах Ю.М. Лотмана), в качестве которых рассматривается заголовок и последнее предложение – самые крайние «левый» и «правый» при горизонтальном развертывании конstituенты текстового пространства («верхний» и «нижний» при вертикальном развертывании пространства текста).

Пространство текста как материального объекта, находящегося в статичном состоянии, представляет собой зафиксированные автором «местоположения» лексических единиц. В процессе восприятия пространства текста реципиентом вербальные единицы – конstituенты текстового пространства – вступают между собой в отношения взаимосочетаемости, соотносимости и взаимообусловленности, которые способствуют пониманию текста. На этом этапе линейная последовательность отдельных участков текстового пространства нарушается, приводя все пространство в турбулентное, в некоторой степени хаотичное состояние. Чем больше связей между компонентами текстового пространства удастся выявить реципиенту, тем в более «глубокие» слои текстового пространства он «проникает», тем больше уровень смысловой близости авторского варианта текстового пространства и вторичного вербального пространства текста – текстовой проекции, формируемой реципиентом.

Список использованной литературы:

1. Брудный А.А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976.
2. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1978. Вып. VIII.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М: Просвещение, 1969.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
6. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск, 1991.
7. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII.
8. Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.